

ДИКОЕ ПОЛЕ И ДВЕ ЗАБЫТЫЕ КРЕПОСТИ НА ДНЕПРЕ. ИХ ОБРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И МЕСТО В ИСТОРИИ.

Статья раскрывает перед читателями причины возникновения и образ Дикого Поля и его образ в художественной литературе XIX века, а также историю возникновения двух исчезнувших и ныне забытых крепостей, стоявших на его границе. Автор не только рассматривает место Кодака и Богородицкой крепости в истории Польши, России и Украины в XVII, XVIII ст. и в XXI веке, но уделяет внимание тому, как отразили в своём творчестве характер межнациональных противоречий писатели XIX и начала XX ст.

Ключевые слова. Дикое Поле, степь, крепость, казаки, поляки, война, граница, казнь.

Светлой памяти Литвиновой Зинаиды Алексеевны посвящается.

Исторически сложилось так, что научные интересы автора всегда лежали за пределами Приднепровья, но были связаны с границей [12; 18; 21], развитием приграничных регионов [6; 7; 8; 9; 13; 19; 22; 25; 29; 30; 33; 39] или подготовкой офицеров таможенной службы к защите культурных ценностей от незаконного вывоза [14; 15; 16; 17; 23; 26; 27; 28; 31; 32; 34]. Лишь периодически публикуя работы, связанные с отражением образов в искусстве, а не искусствоведением [10; 11; 20; 24; 35; 36; 37; 38].

4 апреля в докладе представителя Белорусского государственного экономического университета прозвучала история замка в Лиде. Для многих наших современников представление о Лиде ограничивается романом “Момент истины (в августе сорок четвёртого...)” В.О. Богомолова, в котором, увы, о замке нет ни слова. Предлагаемая Вашему вниманию статья раскрывает перед читателями не только образ Дикого Поля, но и историю не просто исчезнувших, но и ныне забытых крепостей, стоявших на его границе.

Украинская топонимика отдельных регионов сохранила название “Замковая гора”. Но сами замки исчезли, как и мамонты. И лишь картины в областных музеях рассказывают, как они выглядели нашим современникам. Ярким примером служит фрагмент диорамы в Черкасском областном краеведческом музее, представленный на **рисунке 1**. Но за пределами своего города они практически не известны. То же можно сказать и о знании литературы. Несмотря на громкие заявления, сделанные на различных уровнях, уровень знаний и начитанности граждан Украины стремительно падает. К сожалению, речь не идёт об уровне знания литературы о родном крае (стране) на уровне, которого добивались учителя по словам Тадеуша Квятковского на уроках польского языка в польской гимназии: “*нужно было по памяти восстановить путь, которым Скипетусский следовал в Запорожскую Сечь, или описать «своими словами» поединки пана Володыёвского*” [4, с. 5].

Большинство, не зная своей истории, оказываясь в глупом положении во время международных дискуссий.

Рисунок 1. Казанский А.В. “Черкассы XVI в.” Черкасский областной краеведческий музей.

Экспонаты Днепропетровского исторического музея рассказывают, что люди в этих местах бывали ещё в каменном веке, но в наши дни о тех временах ничего не напоминает. Более того, под ножами бульдозеров и ковшами экскаваторов стремительно исчезает образ не только Екатеринослава, но и Днепропетровска. Единственным местом в городе хоть и относительно, но сохранившем свой исторический облик, остаётся Монастырский остров. Этот клочок суши помнит и апостола Андрея Первозванного, проповедавшего христианство на берегах Борисфена, дружинников князей Олега (907), Игоря (941 и 944), Святослава (968 и 969) и Владимира (987 или 988) и посольство княгини Ольги (955 или 957). Перунов остров был известен всем на пути из Варяг в Греки, так как лежал перед первым порогом. Вот почему здесь останавливались для отдыха и купцы и воины. После крещения Руси идол Перуна был сброшен в Днепр, а на острове появилась монашеская обитель, разрушенная во время нашествия Батыя. Во времена Екатеринослава остров назывался Бураковским и Богомолковским и по фамилии помещиков, владевших им, жители Днепропетровска знали его как Комсомольский.

Приграничный район между Русью и Степью мог бы осваиваться людьми, если бы не войны князя Святослава (942-972). Киевский князь Святослав Игоревич или Святослав Храбрый личность без сомнения примечательная. Хрестоматийной стала цитата летописца: *“Когда Святослав вырос и возмужал, стал собирать много воинов храбрых, и легко ходил в*

походах, как пардус¹, и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах, такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Иду на вы!»» [3, с. 16]. Так формировался образ князя-воина, князя-тактика, но не князя-политика и тем более не князя-стратега, способного просчитать последствия своих действий. Так, разгромив Хазарский Каганат в походах с 954 по 969 годы, князь Святослав уничтожил плотину, которая прикрывала его княжество от диких степных племён. Не секрет, что хрестоматийной стала и фраза из послания киевлян своему князю: “Ты, княже, ищешь чужой земли, а свою землю покинул. Если не придёшь и не защитишь нас, а нас то возьмут нас печенеги!” [3, с. 28]. Святослав в это время искал славы на Балканах, где оставил о себе не самую добрую память, о чём не принято вспоминать на территории Украины. По приглашению императора Никифора II Фока, воюя в 968 году против болгар, а с августа 969 года в союзе с болгарами против Византии.

Рисунок 2. Г.И. Семирадский “Тризна дружинников Святослава после боя под Доростолом в 971 году”. 1880-е годы. Государственный Исторический музей, Москва.

В начале 1980-х автор впервые оказался в Государственном историческом музее в Москве до его закрытия на многолетнюю реконструкцию. До сих пор

¹ Барс.

помню то впечатление, которое произвели картины Г.И. Семирадского. Но если сюжет “Похорон Руса” не вызывал ни каких вопросов, то, представленная на **рисунке 2** “Тризна”, была сплошной загадкой. За что воины убивают на берегу реки мужчин, женщин, детей, стариков? Кто эти жертвы? Почему их убийство проходит на фоне гигантских костров и ритуального убийства чёрного петуха?

Ни школьные учебники, ни доступные книги, ни учителя не давали ответа на эти неудобные вопросы. И только спустя годы автор узнал, что Святослав был окружён войсками императора Иоанна Цимисхия в Доростоле (современный город Силистра) на Дунае летом 971 года. Здесь князь, не имея возможности не только победить, но и вырваться из окружения, приказал кремировать своих погибших воинов и казнить не только пленных греков, но всех христиан, находившихся в городе. Напомню, что жители Доростола были его союзниками, а христианство в Болгарию пришло раньше, чем на Русь. Казнены были и христиане из княжеской дружины². Победы это не принесло, но если Святослав с остатками дружины по условиям мирного договора покинул город с оружием и добычей³, и снабжённый продовольствием, то Восточная Болгария потеряла свою независимость и идентичность, так как все болгарские города были переименованы на греческий лад. Символично, но Святослав погиб в 972 году на днепровских порогах от рук печенегов, которые здесь обосновались благодаря его победам. Печенегов сменили торки, их – половцы, а в XIII веке – татары. Край превратился в Дикое Поле, а киевские князья уже считали для себя великим подвигом доехать до Дона или хотя бы до Донца, чтобы ради славы “зачерпнуть воды шеломом”. Вот как это описано в “Слове о полку Игореве”:

“И рече Игорьъ
къ дружинѣ своєї:
– Братие и дружино!
Луце жь бы потягу быти,
неже полонену быти!
А всядѣмъ, братие,
На своѣ бързыѣ комони
да позримъ синего Дону.
Спала князю умъ похоти,
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великого.
– Хощу бо – рече, –

² И вот именем этого человека в период бездумного переименования называют улицы украинских городов, иллюстрируя уровень центральных и местных властей.

³ Обычно византийцы иначе поступали с пленными иностранцами, поднявшими меч на Империю. Половине рубили правую руку, а вторую половину лишали зрения, отпуская после этих калек по домам, как наглядное предостережение для всех желающих повторить. Примечательно, что такие украинские авторы как П.А. Загребельный в романе “Смерть в Киеве” и С.Д. Склярченко возмущались такой жестокостью, забывая не только евангельские тексты, но и причинно-следственную связь.

копие приломити
конецъ поля Половецкого,
съ вами, русици!
Хощу главу свою приложити,
а любо испити
шеломомъ Дону!” [39, с. 74-76].

Рисунок 3. Васнецов В.М. “После побоища Игоря Святославовича с половцами” 1880 г. Государственная Третьяковская галерея, Москва (вверху). Рыженко П.В. “Калка” 1996 г. Собственность семьи художника (внизу).

Столетиями здесь звенели мечи, а не косы, позволяя собирать смерти обильную жатву. Не случайно 20 июня 1920 года Максимилиан Волошин начал своё стихотворение “Дикое поле” такими словами:

*Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны,*

*Ширь земли да небесная лень!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Тёмная Киммерийская степь.*

*Вся могильниками покрыта –
Без имян: без конца, без числа,
Вся копытом да копытами взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла!⁴*

Картины В.М. Васнецова (1848-1926) и П.В. Рыженко (1970-2014) прекрасно дополняют созданный поэтом образ.

Рисунок 4. А.П. Бубнов “Тарас Бульба”. Челябинский государственный музей изобразительных искусств.

За несколько столетий степь стёрла все следы славянского земледелия, поражая попавшего сюда буйством красок. Увы, но представить сейчас, как выглядели приднепровские степи, даже жители степных районов могут лишь благодаря Николаю Васильевичу Гоголю: *“Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелёною девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь*

⁴ К огню вселенному: Русская советская поэзия 1920-1930-х годов. М.: Правда, 1989. – С. 370-372.

тонкие высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки⁵; жёлтый дрок⁶ выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы поднималась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вот она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вот она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!.. ... Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебежала по нем, и она становилась тёмно-зелёною; испарения поднимались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголубатёмному, как будто исполинской кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щёк. Вся музыка, звучавшая днём, утихла и сменилась другою. Пёстрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе” [2, с. 18-19].

Эти строки прекрасно иллюстрирует представленная выше картина Александра Павловича Бубнова (1908-1964).

В своей повести Николай Васильевич лишь один раз упоминает о татарине в степи, хотя в литературе левый берег Днепра назывался Татарским, в то время, как правый – Русским. Но даже появление одного татарина заставило главного героя повести и его отряд принять меры предосторожности и запутывать свои следы, опасаясь засады. “Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь” [2, с. 20].

Когда мы стоим в Днепропетровске на Запорожском шоссе у поворота на аэропорт, то многие даже не догадываются, что в прошлом здесь проходил старинный торговый и чумацкий шлях, который шёл через Микитин перевоз на Крым. Но по этой дороге шли не только чумаки за солью и беглые на Сечь. Это была дорога, по которой шли за ясырем татары. Татарские набеги, так же как набеги печенегов и половцев на славянские поселения тормозили развитие этого региона, опустошая как пограничные воеводства Московского царства,

⁵ Васильки.

⁶ Степной кустарник с жёлтыми цветами.

так и Речи Посполитой. Каждая страна принимала схожие меры, отражая татарскую угрозу, строя крепости и совершая ответные походы против татар.

а

б

Рисунок 5. Юзеф Брандт “Татарский поход” (а). М.Г. Дерегус “Ясырь” (б).

Но вернёмся к образу Дикого Поля. Одно дело ехать степью верхом небольшой группой, как это делали герои Николая Васильевича и иначе движение по степи армии. Романтизм и реализм по-разному описывает и оценивает прошлое.

Вот что читаем у Н.В. Гоголя: *“Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье сабель, бычачье мычанье, скрип поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье – и скоро далеко-далеко вытянулся козачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел пробежать от головы до хвоста его. ... Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор продвигался только по ночам, отдыхая днём и выбирая для этого пустыри, незаселённые места и леса, которых было тогда ещё вдоволь. Засылаемы были вперёд лазутчики и рассыльные узнать и выведать, где, что и как”* [2, с. 38-39]. А.Н. Толстой воссоздал в своём романе образ трагедии первого крымского похода князя В.В. Голицына в 1687 году. *“В конце мая Голицын выступил наконец со стотысячным войском на юг и на реке Самаре соединился с украинским гетманом Самойловичем. Медленно двигалось войско, таща за собой бесчисленные обозы. Кончились городки и сторожи, вошли в степи Дикого поля. Зной стоял над пустынной равниной, где люди брели по плечи в траве. Кружились стервятники в горячем небе. По далёкому краю волнами ходили миражи. Закаты были коротки – желты, зелены. Скрипом телег, ржаньем лошадей наполнилась степь. Вековой тоской пахнул дым костров из сухого навоза. Быстро падала ночь. Пылали страшные звёзды. Степь была пуста – ни дорог, ни троп. Передовые полки уходили далеко вперёд, не встречая живой души. Видимо – татары заманивали русские полчища в пески и безводье. Всё чаще попадались высохшие русла оврагов. Здесь только матёрые казаки знали, где доставать воду. Была уже середина июля, а Крым ещё только мерещился в мареве. Полки растянулись от края до края степи. От белого света, от сухого треска кузнечиков кружились головы. Ленивые птицы слетались на раздутые рёбра навших коней. Много телег было брошено. Много извозных мужиков осталось у телег, умирая от жажды. Иные брели на север к Днепру. Полки роптали...”* [46, с. 93-94]. Финальную точку неудачного похода поставили степные пожары. Войско повернуло назад, остановившись в районе Полтавы.

Как видите, образ степи был многогранен. Ещё одну грань контуром обозначил в своём романе Генрик Сенкевич (1845-1916) и проиллюстрировал Юлиуш Коссак (1824-1899). *“Вдруг раздался пронзительный свист. Многие голоса разом и душераздирающе завопили: “Алла! Алла! Иисусе Христе! Спасай! Бей!” Загремели самопалы, красные вспышки разорвали мрак. Конский топот смешался с лязгом железа. Ещё какие-то всадники возникли в степи словно изпод земли. Настоящая буря взметнулась в этой только что безмолвной и зловещей пустыне. Потом стоны человеческие стали вторить страшным воплям, и наконец всё утихло. Бой закончился. Надо полагать – в Диком Поле разыгралась одна из обычных сцен”* [41, с. 9].

**Рисунок 6. Юлиуш Коссак “Встреча Яна Скшетуского и Хмельницкого”.
Иллюстрация к роману Г. Сенкевича “Огнём и мечом”.**

В польской исторической и художественной литературе господствует мнение, отрицаемое украинской исторической школой, что к повторному экономическому освоению этого края приступили польские князья Вишневецкие в конце XVI – первой половине XVII столетия, организовав не только строительство замков и укреплений, но и переселяя сюда своих крестьян, ремесленников и арендаторов.

Вот что читаем в романе Г. Сенкевича: *“Удивительная была эта земля: полууснувшая, но сохранившая на себе следы давнего человеческого пребывания – повсюду во множестве попадались останки каких-то древних сельбищ, да и Лубны с Хоролом были на подобных пепелищах поставлены; повсюду не счесть курганов, и не столь давно насыпанных, и стародавних, поросших уже лесом. Здесь тоже, как и на Диком Поле, являлись по ночам духи и призраки, а у костров старые запорожцы рассказывали друг другу небывальщины про то, что время от времени совершается в лесных чащобах, откуда доносился вой неведомых тварей, получеловеческие, полужвериные крики и грозный шум не то побоищ, не то ловитв. Под водою гудели колокола ушедших на дно городов. Земля была негостеприимная и недоступная; тут, глядишь, слишком сырая, тут – почти безводная, выжженная, сухая и для жизни опасная; насельников к тому же – стоило им сколько-нибудь обжиться и обзавестись хозяйством – разоряли татарские набеги. Обычно заглядывали сюда только запорожцы ради бобровых хвостов или зверя и рыбы, ибо в мирное время большая часть низовых разбредалась из Сечи по всем рекам, ярам, лесам и зарослям на охоту или, как называли это, “на промысел”, рыская в местах, о существовании которых мало кому было известно.*

Однако же и осёдлая жизнь пыталась укорениться на землях этих, – так растение, которое, где может, пытается сцепиться корешками в почву и, вырываемое то и дело, где может, продолжает расти.

На пустошах возникали острожки, поселения, колонии и хутора. Земля была местами плодородная, да и воля привлекала. Но лишь тогда закипела жизнь, когда край этот перешёл во владение князей Вишневецких. Князь Михаил, женившись на Могилянке, усерднее принялся обживать свой заднепровский удел; привлекал людей, заселял пустоши, позволял до тридцати лет не платить податей, строил обители и вводил своё княжеское право. Даже поселенец, невесть когда пришедший на эти земли и полагавший, что хозяйствует на собственном наделе, охотно превращался⁷ в княжеского оброчника, так как за подать свою обретал могучее княжеское попечение, защищавшее его от татар и от худших порой, чем татары низовых.

И всё же настоящая жизнь процвела лишь под железной рукой молодого князя Иеремии. Начиналось его государство сразу же за Чигирином, кончалось – гей! – у самого Конотопа и Ромен. ... Татарин долго выжидал у Орла и Ворсклы, приносиваясь словно волк, прежде чем осмеливался погнать коня на север; низовые ссоры не искали, местные лихие ватаги вступили на княжескую службу. Дикий и разбойный люд, искони промышлявший насилием и грабежом, оказавшись в узде, занимал теперь порубежные “паланки” и залегши по границам края, как сторожевой пёс, показывал врагам зубы.

И всё расцвело, и закипела жизнь. По следам древних шляхов были проложены дороги; реки укротились плотинами, насыпанными невольником-татаринном или низовым казаком, схваченным на разбойном деле. Там, где когда-то ветер дико играл по ночам в зарослях камыша да выли волки и утопленники, теперь погромыхивали мельницы. Более четырёхсот водяных, не считая всюду, где можно, поставленных ветряков, смалывали хлеб в одном только Заднепровье. Сорок тысяч оброчных вносили оброк в княжескую казну, в лесах появились пасеки, по рубежам возникали всё новые деревни, хутора, слободы. В степях бок о бок с дикими табунами паслись огромные стада домашнего скота и лошадей. Неоглядный однообразный вид степей и лесов оживился дымами хат, золотыми верхами церквей и костёлов – пустыня превратилась в край, вполне заселённый” [41, с. 28-29].

Поляки – прекрасный народ, но особенности их характера ничуть не изменились за последние столетия. Вот почему, польская колонизация сопровождалась конфликтами не только социального, но и религиозного характера, в которые активно вмешивались низовые казаки. После восстания в 1630 году казаков Тараса Федоровича (более известного, как Тарас Трясило), воспетого Т.Г. Шевченко в стихотворении “Тарасова ночь” по предложению Станислава Конецпольского на Днепре возле устья реки Самара польское правительство распорядилось построить крепость.

⁷ Это утверждение в XX и XXI веке вызывает улыбку у тех, кто помнит, какими методами молодые люди в спортивных костюмах предлагали предпринимателям защиту “за долю малую”.

а

б

в

г

Рисунок 7. Станислав Конецпольский (а). Иеремия Вишневецкий (б). Иван Михайлович Сулима (в). Павел Павлюк (г).

Эта крепость должна была если не положить конец вооружённым выступлениям низовой вольницы, то хотя бы минимизировать риски и потери. Руководил строительством французский инженер Гийом Левассер де Боплан. Работы завершились в июле 1635 года. В крепости разместился гарнизон численностью 200 драгун под командой французского капитана (по другим данным полковника) Жана Мариона.

Но не секрет, что граница – хлебное место для многих, и эти “многие” не хотят его лишаться. Запорожские казаки увидели в этой крепости угрозу для себя. И дело не только в том, что гарнизон крепости был в состоянии если не перекрыть, то существенно сократить приток беглецов на Сечь. Крепость должна была и могла помешать крымским татарам выходить на оперативный простор во время набегов. В литературе есть данные, которые позволяют сделать предположение, что запорожцы “не замечали” татар, когда те шли в набег, но “героически” сражались с ними, отбивая всё “нажитое непосильным трудом”. Коронные войска, как Вы понимаете, не вписывались в эту “схему”. Историческая песня “Про Сулиму, Павлюка, ще й про Яцька Острияницю”, записанная у кобзаря П. Дривченко в 1928 году, описывает “официально обоснованные” причины уничтожения крепости казаками Ивана Сулимы осенью 1635 года [48, с. 90-91]:

Про Сулиму, Павлюка, ще й про Яцька Острияницю

<i>Не схотіли сучі ляхи</i>	<i>“Гей, давайте, хлопці зварим</i>	<i>Всім ляхам на диво.</i>
<i>Пропустити й трохи,</i>	<i>Вражим ляхам тива!”</i>	<i>Наробили вражі пани</i>
<i>Щоб їздили в Січ бурлаки</i>	<i>Обізвався Павлюк – хорунжий:</i>	<i>У Варшаві дива,</i>
<i>Та й через пороги, –</i>	<i>“Допомоги дати!</i>	<i>Як помирав на майдані</i>
<i>Спорудили над Кодаком</i>	<i>Щоб ту лядську перепону</i>	<i>Курінний Сулима.</i>
<i>Город-кріпосницю,</i>	<i>Нацент зруйнувати!”</i>	<i>А Павлюк, на диво шляхті,</i>
<i>Ще й прислали в Кодак військо,</i>	<i>Добре Павлюк та Сулима</i>	<i>Жив-здоров лишився,</i>
<i>Чужу-чужаницю.</i>	<i>Ляхів частували –</i>	<i>Бо Замойко Хома, писар,</i>
<i>Їде бурлак чи комшиник</i>	<i>Військо вибили доценту,</i>	<i>За нього вступився.</i>
<i>Порогом-водою,</i>	<i>Кодак зруйнували.</i>	
<i>Його лове чуже військо</i>	<i>Як зачув це Конецпольський,</i>	
<i>Й оддає в неволю.</i>	<i>Зібрав своє військо,</i>	
<i>Зажурились запорожці,</i>	<i>Обступили пани-ляхи</i>	
<i>Що нема їм волі</i>	<i>Всю Січ Запорізьку.</i>	
<i>Ні на Дніпрі,</i>	<i>А ще взяв той Конецпольський</i>	
<i>Ні на Росі,</i>	<i>З козаків данину –</i>	
<i>Ні в чистому полі.</i>	<i>Хорунжого Павлюка,</i>	
<i>Обізвався серед Січі</i>	<i>Ще й Павла Сулиму,</i>	
<i>Курінний Сулима:</i>	<i>Та й на тяжку муку-кару</i>	

То, что в отличие от других казацких выступлений, это длилось не долго, закончившись выдачей реестровыми казаками Станиславу Конецпольскому Ивана Сулимы и его сторонников, косвенно свидетельствует в пользу этой

версии. Назвавшие себя гетманами Иван Сулима и Павлюк были четвертованы в Варшаве 12.12.1635 и в феврале 1638 г. соответственно.

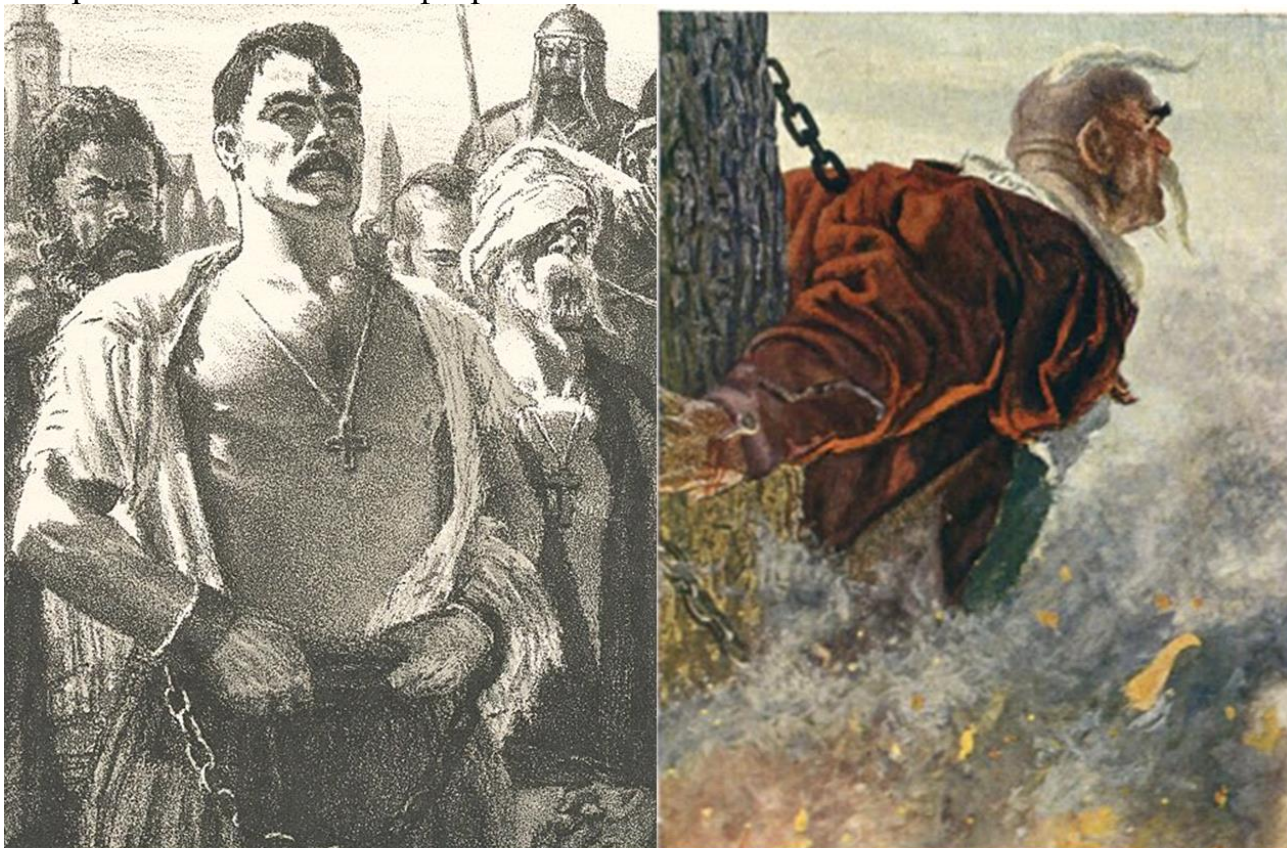

Рисунок 8. Иллюстрации Евгения Кибрика к повести Н.В. Гоголя “Тарас Бульба” 1945 г. (вверху). Казнь казаков в Варшаве. Кадр из художественного фильма В.В. Бортко “Тарас Бульба” 2009 г. (внизу).

Н.В. Гоголь в “Тарасе Бульбе”, описывая казнь Остапа в Варшаве, писал о чрезмерной жестокости поляков. Но зададим себе вопрос: а за что в тот день казнили Остапа Бульбу и других запорожцев? Вот что писал по этому поводу Николай Васильевич Гоголь: *“Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колена у выпущенных на свободу, – словом, крупною монетой отплачивали казаки прежние долги”* [2, с. 39-40].

А вот как писатель описал, почему без суда сожгли схваченного Тараса, за голову которого ранее давали две тысячи червонцев [2, с. 94]. Отделившись от гетмана, полковник Бульба начал свою войну, мстя за сына. *“Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки... Не уважили казаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки поднимались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие казаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя”* [2, с. 113-114].

Кто посеял ветер, должен быть готов пожинать плоды бури. Не случайно седьмая глава Евангелия от Матфея начинается словами: *“Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить”*.

Но вернёмся к Кодаку. Сейчас не принято вспоминать, что поляки тогда не были оккупантами, а находились здесь на законных основаниях уже несколько столетий, охраняя границы единого государства Речи Посполитой. За порогами находилась, как сейчас принято говорить, “серая зона” или буфер, ограждавший владения короля от владений султана. Вероятно, поэтому сторонники утверждения, что “чрезмерная жестокость” поляков спровоцировала восстания казаков, предпочитают не вспоминать о другой стороне медали. Приведу лишь один пример. Комендант Кодака Жан Марион был старшим пограничным и таможенным начальником, в обязанности которого входило не только бороться с контрабандой, но противодействовать нелегальной миграции. И судя по реакции “заинтересованных лиц” свои обязанности он выполнял добросовестно. По распространенной в литературе версии, после пыток, комендант разрушенного казаками Кодака полковник Жан Марион был казнён следующим образом: его привязали к дереву, насыпав в надетый и наглухо завязанный на нём костюм порох, после чего подорвали его при помощи фитиля. После этого автор, десять лет носивший погоны офицера таможенной службы, не считает четвертование его убийц чрезмерно суровым наказанием.

Так как польская колонизация восточных воеводств Речи Посполитой не устраивала украинскую старшину и шляхту, польские магнаты укрепляли свои поместья не только от татар, но и от низовой вольницы, на границе с которой стоял Кодак. В 1639 году крепость была отстроена немецким инженером Фридрихом Гетканом. Последим высокопоставленным поляком, посетившим

Кодак, был князь И. Вишневецкий – воевода русский. Вот что писал об этом Г. Сенкевич: *“Время от времени, хотя от татар беспокойства не ожидалось, князь предпринимал далёкие вылазки в глухие степи и пустыни, чтобы приучить солдат к походам и, добравшись туда, куда до сих пор никто не добирался, разнести славу имени своего. В прошлую осень [1647], к примеру, идучи левым берегом Днепра, пришёл он до самого Кодака, где пан Гродзинский, начальник тамошнего гарнизона, принимал его, как удельного монарха; потом пошёл вдоль порога до самой Хортицы, а на Кичкасовом урочище велел груды огромную из камней насыпать в память и в знак того, что этой дорогой ни один ещё властелин не забирался столь далеко”* [41, с. 57-58].

Но тут же писатель делает авторское примечание: *“Это слова Маскевича, который мог не знать о пребывании на Сечи Самуэля Зборовского”* [41, с. 58].

Рисунок 9. План крепости Кодак на Днепре.

“Но вот на горизонте завиднелась Кодацкая башня. ... Однако в тот вечер наместник в замок не попал, ибо у пана Гродзинского⁸ после объявления перед закатом вечернего пароля из замка никто не выпускался и в замок никого не пускали; пусть бы хоть сам король приехал, ему пришлось бы ночевать в Слободке, расположенной перед валом. Именно так поступил и наместник. Ночлег был не очень-то удобный, потому что мазанки в Слободке, которых насчитывалось около шестидесяти, были такие крошечные, что в некоторых приходилось вползать на четвереньках. Других строить не стоило: крепость

⁸ Последний польский комендант крепости.

при каждом татарском набеге сжигала строения дотла, чтобы не создавать нападающим прикрития и безопасных подступов к валам. Проживали в этой Слободке люди “захожи”, то есть приблудившиеся из Польши, Руси, Крыма и Валахии. Каждый тут верил в своего бога, но до этого никому не было дела. Землю пришлые люди не пахали из-за опасности от Орды, кормились рыбой и привозным с Украины хлебом, пили просяную палянку, занимались ремёслами, за что их в замке очень ценили. Наместник глаз не сомкнул из-за невыносимого смрада конских шкур, из которых в Слободке выделывали ремни” [41, с. 89-90].

Польские источники позволили Генрику Сенкевичу описать состояние крепости весной 1648 года: *“Везде соблюдался образцовый порядок и послушание. Часовые чуть ли не вплотную друг к другу день и ночь караулили на валах, непрерывно укрепляемых и подправляемых пленными татарами. ... Фортеция действительно была неодолима: кроме пушек, её защищали днепровские кручи и неприступные скалы, отвесно уходящие в воду; ей даже большой гарнизон был не нужен. В замке и насчитывалось не более шестисот человек, но зато солдат отборнейших, вооружённых мушкетами и пищалями. Днепр протекая в том месте стиснутым руслом, был столь узок, что стрела, пущенная с вала, улетала далеко на другой берег. Замковые пушки господствовали над обоими берегами и над всею окрестностью. Кроме того, в полумили от крепости стояла высокая башня, с коей на восемь миль вокруг было видно, а в ней находилась сотня солдат. ... Они-то, заметив что-нибудь в округе, тотчас давали знать в замок, и тогда в крепости били в колокола, а весь гарнизон вставал в ружьё. ... С вала открывался необозримый степной простор, казавшийся сейчас сплошным морем зелени; на севере – устье Самары, на юге – весь путь днепровский: скалы, обрывы, леса, – вплоть до кипени второго порога, Сурского” [41, с. 91-92].*

В 1648 году Богдан Хмельницкий не стал штурмовать крепость в начале восстания, оставив её в тылу своих войск. В конце августа по его приказу три полка Якова Вовченко, Максима Нестеренко и Прокопа Шумейко должны были решить “Кодацкий вопрос”. Осада началась с середины сентября. Как она проходила, был ли штурм – в литературе нет единой точки зрения. Если М.А. Шатров пишет о штурме крепости “нежинскими повстанцами”, после которого “уже навсегда был уничтожен оплот чужеземцев на нашей земле” [47, с. 12]. То В.С. Старостин пишет, что после поражения польской армии под Пилявцами, комендант подписал почётную капитуляцию. По её условиям гарнизон с семьями, ксендзами и монахами с оружием и знамёнами покинул крепость, оставив в крепости 30 орудий и запасы [44, с. 19-20]. Но в его книге, как и в других работах, нет упоминания, о том смог ли гарнизон дойти до польской армии.

О том, что мог и не дойти говорит сам характер той войны. В XIX веке вокруг этих трагических для подданных Речи Посполитой событий вновь развернулась баталия. На этот раз в художественной литературе. Польский писатель Генрик Сенкевич в романе “Огнём и мечем” (1883-1884) показал события 1648-1657 годов, как трагедию гражданской войны, описывая страдания людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания.

При этом, свою точку зрения он излагает от своего имени, не прикрываясь монологами и диалогами литературных героев. “... Страшный пожар, объявивший Украину, резня, неслыханные от начала мира зверства – всё это стряслось так неожиданно, что люди просто поверить не могли, чтобы столько бедствий сразу могло выпасть на долю одной страны. ... Нарушились все общественные связи, все взаимоотношения, как человеческие, так и родовые. Пресекалась всяческая власть, различия исчезли между людьми. ... Горели города, деревни, храмы, усадьбы, леса. ... Жизнь потеряла всякую цену. Тысячи и тысячи гибли без ропота и поминовения” [41, с. 148]. “... Страдало не только шляхетское состояние, но и народ русский, у которого сжигали деревеньки, отбирали скарб, а самих мужиков, баб и ребятишек угоняли в неволю. В эту годину злодеяний пожогои и кровопролития для мужика только и было спасения, что убежать в лагерь Хмельницкого. Там он из жертвы превращался в разбойника и сам разорял собственную землю, не опасаясь зато за собственную жизнь. Несчастный край!..” [41, с. 240].

Подобная трактовка событий вызвала острую рефлексию украинского театрального деятеля и писателя Михаила Петровича Старицкого. Взяв сюжетные линии Г. Сенкевича, М.П. Старицкий полярно изменил акценты, и создал свой роман “У пристани”. Так как оба романа посвящены одним событиям, то факты взаимного уничтожения противоборствующими армиями не только друг друга, но и мирного населения нашли в них своё отражение. У Г. Сенкевича читаем: “Кривонос пошёл из Белой Церкви через Сквиру и Погребище к Махновке, а всюду, где проходил даже следы человеческого проживания исчезали. Кто не присоединялся к нему, погибал от ножа. Сжигали на корню жито, леса, сады, а князь тем временем тоже, в свою очередь, сеял опустошение” [41, с. 251]. У М.П. Старицкого – в монологе воеводы Киселя: “Где проходит князь Коребут⁹, за ним остаются одни пепелища, но против него ведёт войско Кривонос, а сожжённые князем церкви дают повод и этому ужасному, и неумолимому мстителю жечь ваши костёлы и поднимать везде местное население для неистовств и мести” [43, с. 219].

Вскользь рассказывая о массовом уничтожении населения, М.П. Старицкий, вкладывает в слова шляхтича Сенявского своё одобрение действиям Б. Хмельницкого “... не тратя своих сил, он успел одними лишь хлопями истребить наши имуществва и выгнать нас всех из этого края до Случи...” [43, с. 274]. То есть, речь шла о том, что украинские крестьяне вырезали не успевших соединиться в отряды поляков и их семьи, а разграбленные имения – лишали армию продовольственных запасов. Как же на практике выглядела фраза “истребить наши имуществва”? Вот как описывает Г. Сенкевич следы, оставленные Кривоносом в 1648 году: “Стрижавка была сожжена, а население её истреблено страшной методю. Несчастные, видать по всему, сопротивлялись Кривоносу, за что дикий предводитель обрёк их мечам и пламени. У околицы висел на дубу сам пан Стрижавский, которого

⁹ Князь Иеремия Вишневецкий.

люди Тышкевича сразу же опознали. Висел он совершенно нагой, а на груди его виднелось ужасное ожерелье из голов, нанизанных на верёвку. Это были головы его шестерых детей и жены. В самой деревне, сожжённой, кстати, дотла, солдаты увидели по обочинам длинные вереницы казацких “свечей”, то есть людей с вознесёнными над головой руками, прикрученных к вколотым в землю жердинам, обвязанных соломой, облитых смолой и зажжённых с кистей рук. У большинства отгорели только руки, так как дождём, видно, огонь погасило. Но трупы эти с искажёнными лицами, протягивавшие к небу чёрные культы, были ужасны. ... Войска в молчании проходили по страшной алее, считая “свечи”. Оказалось их более трёхсот” [41, с. 254].

М.П. Старицкий тоже описывает страшные последствия расправ над местными жителями, но при этом вся ответственность за войну и жестокости возложена писателем без особых доказательств исключительно на поляков. Вот как он описывает одно из сожжённых сёл на берегу Горыни: “Едва они вступили в улицу этого мёртвого села, как глазам их представилась ужасающая картина человеческой злобы: изуродованные, обезображенные, полубогорелые трупы валялись повсюду, перевес составляли детские тела... .. На плетне у этой хаты было повешено шесть детских трупов, а на перекладине ворот висели взрослые мужчина и женщина” [43, с. 209-210]. Пожалуй, есть лишь один случай, где он описывает, что сделали “ушедшие в повстанцы” украинцы с евреем арендатором корчмы в Гуце от имени его уже вдовы молодой Руфли, находящейся под впечатлением увиденного: “Язык вырвали! ... Пейсы оборвали... а его самого... прибили к дубу вот такими цвяхами¹⁰... голову до дуба... цвяхами в очи... Насмерть!” [43, с. 230]. Но при этом писатель не называет даже имени несчастного, используя это, как элемент дегуманизации. Этим книга М.П. Старицкого в худшую сторону отличается от романа Г. Сенкевича, который с максимально доступной для художественного произведения детализацией называет имена шляхтичей и магнатов – участников тех кровавых событиях. Гуманизм Г. Сенкевича можно сравнить с не потерявшей до сих пор актуальности фразы “**Никто не забыт, ничто не забыто**”.

Но что же объединяет эти два противоречивых в оценке произведения? Описание того, как вели себя украинские повстанцы, когда удача отворачивалась от них. Вот лишь по одному примеру от польского и украинского писателей. Г. Сенкевич так описывает начало боя между казаками молодого Кривоноса и объединёнными отрядами князя Иеремии Вишневецкого – воеводы Русского и Януша Тышкевича – воеводы Киевского под Махновкой в 1648 году: “... махновичане узнали воеводу по исполинскому росту и огромной туше, а узнавши, кричать принялись:

– Гей, ясновельможный воевода, жатва на носу, чего же ты людей в поле не выгоняешь? Бьём тебе челом, ясний пане! Уж мы тебе пузо проковыряем” [41, с. 257]. А вот так его конец: “Там и сям послышались крики:

¹⁰ Гвоздями.

“Помилуйте, ляхи!” Крики эти делались громче, множились, заглушали лязг мечей, скрежет железа о кости, хрипение и жуткую икоту умирающих. “Помилуйте, пани!” – разносилось всё жалобнее, но милосердие не брезжило над безумием ратоборствующих” [41, с. 260].

Во всём противоречащий Г. Сенкевичу М.П. Старицкий так описал финал битвы под Берестечком, когда был взят лагерь Б. Хмельницкого: *“напрасно вопили селяне: “Ой, простите, панове! Ой, сгляньтесь, на бога!” Их крошили саблями и хладнокровно поднимали на пики гусары, не пропуская ни одного”¹¹ [43, с. 627].*

Не стали ли романы М.П. Старицкого, “Гайдамаки” Т.Г. Шевченко и многие другие некогда популярные произведения той культурной основой, на которую упали семена ненависти, брошенные рукой радикальных “политиков”? Эти семена дали в 1940-е годы кровавые всходы. Белорусы, поляки, русские и словаки стали свидетелями подобной жестокости в годы Великой Отечественной войны. Свидетель тех событий А.М. Адамович описал их в своих произведениях. Приведу лишь две цитаты из его “Хатынской повести” (1971): *“Как-то, когда уже студентом был, увидел в книге группу людей, связанных, опутанных змеями, – Лаокоон. ... Стол, за которым я сидел, наклонился, окна перекошились, я едва донёс тошноту до помойного ведра. Сокурсникам моим смешно было, что ... такая реакция на искусство. А я просто увидел то, что уже видел один раз, но только не на репродукции. Было это в самом начале моей партизанщины. Немцы и власовцы поймали нашего разведчика, а мы потом ходили забирать его брошенное на кладбище тело. ... Руки, шея человека были обмотаны синими страшными жгутами из его же внутренностей. И в мёртвом видно было, как человек сам рвал их в слепом ужасе и боли...” [1, с. 118-119].* А вот какие ассоциации вызвал у него мемориал на месте Хатыни: *“У каменного старика, того, что держит убитого мальчика, ладонь, пальцы прострелены. ... Я видел не раз после войны. Почти у всех, кого расстреливали вместе с детьми и кто при этом случайно остался жив, рука изуродована. Та, которой закрывали, прижимали к земле голову ребёнка. Человек упал рядом с убитыми, успел упасть живой с живым ребёнком, их заливают ужас, заливают кровь мёртвых. Не двигаться, не шевелиться, чтобы не происходило!.. Но ребёнок, он хочет встать, сейчас он*

¹¹ Но одно дело, когда не берут в плен, и совсем другое, когда уничтожают пленных. В украинской средней школе учителя не одно десятилетие рассказывают детям, как после смерти Богдана Хмельницкого захватившие в 1664 году его хутор поляки Стефана Чарнецкого (которого народные учителя нередко путают с Чаплинским), разрушили могилы Богдана и Тимофея Хмельницких, выбросив их тела на базар. При этом никто не говорит о причинах, побудивших национального героя Польши отдать этот приказ. Стефан Чарнецкий чудом выжил не только во время битвы под Батогом 1-2.06.1652, но и уцелел в последующей резне. Напомню, что после этого сражения по приказу украинского гетмана, как мсть за поражение под Берестечком, за 2 дня были казнены от 5 до 8 тысяч пленных, которым рубили головы или потрошили. Биографы С. Чарнецкого пишут, что это происходило на его глазах, вот почему человек, имя которого звучит в польском гимне, впоследствии поступал с пленными казаками так же.

заплачет, закричит! И его держит, прижимает к земле рука отца или матери, просит, умоляет молчать, не звать смерть... А смерть уже подошла, смотрит в упор, целится. Стреляет в голову ребёнка – и в руку, которая защищает, прячет круглую тёплую как летняя земля головку...” [1, с. 187].

09.04.2015 года украинский парламент объявил “борцами за независимость Украины в XX веке” палача Хатыни Г.Н. Васюру и ему подобных “героев современной Украины”. И это не было случайным решением. Наблюдая с 1983 года за происходящим на территории Украины, могу сделать вывод, что стал свидетелем классической реализации “Окна Овертона”, которое изменило не только общественную мораль, но и привело жителей некогда самой обеспеченной и развитой союзной республике к гражданскому противостоянию и конфликту. Не последнюю роль в этом играли учителя школ и преподаватели ВУЗов. Сейчас трудно сказать были ли их действия осознанными или они послушно играли роль флюгера, постепенно превращаясь в свору Петра Амьенского (1050-1115), и осознали ли они свою ответственность. Но за эти годы украинское общество прошло все этапы от единичных, можно сказать, робких случаев противопоставления одного народа другому, которые в конце 80-х стали скорее нормой, до вооружённого конфликта, имеющего чётко выраженные признаки гражданской войны. В 2019 к уже имеющемуся букету противоречий добавился и религиозный фактор. Так сложилось, что гражданский конфликт лежит вне сферы моих научных интересов, но именно ему были посвящены две первые статьи [8; 9], которые были с недоверием встречены титулованными коллегами, считавшие, что указанные причины и факторы не могут стать причиной гражданской войны и существенно влиять на её ход. Правоту предположений, высказанных в 2013 году, подтвердила менее через год жизнь [25; 29]. Чёрные списки и переписывание истории, проводимое на государственном уровне, – это не просто проявление Галицкого “реваншизма”, продиктованного желанием реализовать все исторические комплексы и многовековые обиды, как метастазы охватившее большую часть Украины. Всё гораздо сложнее. Это системная и многоходовая программа расчеловечивания жителей многонациональной страны. Для чего? Скорее всего, для большой войны, где им уготована участь пушечного мяса. Не случайно весной 2014 года депутат украинского парламента И. Фарион поздравляла в телевизионных эфирах с тем, что “Украину ждёт почётная миссия быть на острие третьей мировой войны Запада против России”. Заявление, прозвучавшее, как фальстарт, но не вызвавшее никакой ответной реакции официальных структур, вероятно потому, что соответствовало их политике, особенно если вспомнить, как премьер Арсений Яценюк назвал непроездным слов в это же время в США жителей отдельных регионов своей страны.

Но вернёмся к Кодаку. По приказу гетмана Б. Хмельницкого в крепости разместили 400 казаков, которым платили жалование и снабжали припасами. В 1656 году крепость перешла в ведение Войска Запорожского. Начавшаяся Руина привела к тому, что многочисленные гетманы и кошевые больше уделяли внимание борьбе за власть и доносам друг на друга в Москву и

Варшаву. Им было не до Кодака. Из-за недофинансирования гарнизон крепости сократился к 1663 году до 20 казаков. Иван Брюховецкий в 1665 году передал крепость под контроль Алексея Михайловича, после чего, по словам В.С. Старостина в крепости разместились тысяча московских стрельцов [44, с. 20].

Но Кодак не долго оставался в одиночестве. А.Н. Толстой пишет, что после первого крымского похода *“Полковники Солонина, Лизогуб, Забела, Гамалей, есаул Иван Мазепа и генеральный писарь Кочубей, тайно придя в шатёр Василия Васильевича, сказали ему:*

– Степь жгли казаки, жечь степь посылал гетман. И вот тебе на гетмана донос, прочти и пошли в Москву, не медли, потому что нам не под силу терпеть его своеволие: разбогател, шляхетство разорил, старшине казацкой при нём нельзя в шапках стоять. Всех лают. Русским врёт, с поляками сносится и им врёт, а хочет он взять Украину в своё вечное владение и вольности наши отнять. Пусть из Москвы пришлют указ – выбрать нам другого гетмана, а Самойловича ссадить...” [46, с. 96]. Донос отправили в Москву, где великие государи лишили гетман Самойловича власти, повелев “послать его в великороссийские города за крепкою стражей”. А войску и старшине выбрать себе нового гетмана. Далее писатель пишет, что накануне рады Василия Васильевича Голицына тайно посетил Иван Мазепа, убедив за сто тысяч золотых червонцев утвердить гетманом его, а не Борковского [46, с. 96-97]. Так Мазепа стал гетманом. Современным поклонникам Мазепы, заявляющим, что это художественный вымысел, агитация и пропаганда, можно предложить открыть работу Костомарова “Мазепа”, написанную в 1882 году. *“События жизни этого человека – его первое прибытие в Переяслав к гетману Самойловичу в качестве посла от Дорошенка, его посылка в Турцию с невольниками когда он был схвачен на дороге запорожцами, его отправление в Москву, где он, действуя во вред Дорошенку, сумел поддаться в доверие к московским боярам, его многолетнее пребывание при гетмане Самойловиче сперва в звании войскового товарища, потом в чине генерального асаула, наконец, его интриги, употреблённые им перед всемогущим временщиком князем Василием Васильевичем Голицыным для погубления гетмана Самойловича, – всё это изложено в нашем сочинении «Руина», напечатанном в Вестнике Европы в 1879-1880 годах”* [5, с. 22]. А вот ещё одна любопытная деталь – финальный аккорд “патриотической” позиции украинского гетмана, отражённая Н.И. Костомаровым: *“Со Станиславом¹², находившимся вместе с Карлом, было заключено ещё такое условие. Вся Украина с Северским княжеством, с Черниговом и Киевом, а также и Смоленск присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе, в вознаграждение за такую услугу, обещан был титул княжеский и предоставлялись ему во владение воеводства Полоцкое и Витебское на таких правах, на каких владел герцог курляндский подвластным ему краем”* [5, с. 228-229].

¹² Станислав Лещинский – король Речи Посполитой в 1704-1711 годах и союзник шведского короля Карла XII.

После 1-го Крымского похода князя Василия Васильевича Голицына (1687) у Кодака появилась соседка – Богородицкая крепость, основанная у устья Самары – левого притока Днепра. О причинах строительства крепости на Самаре Н.И. Костомаров написал: *“Для удержания татарских набегов положено было построить укрепленные города на Днепре против Кодака, на реках Самаре, Орели и на устьях Берестовой и Орчика”* [5, с.25]. Любопытная деталь, Н.И. Костомаров ни разу не упоминает имён полковников в Кодаке, но пишет, что первым воеводой Богородицкой крепости в 1688 году стал Косагов, но вскоре его сменил Волконский, под началом которого находилась тысяча ратных людей [5, с. 27]. Эта крепость с момента создания и до 1711 года управлялась московскими воеводами и стрельцами.

Рисунок 11. Л. Шматько, И. Карась диорама “Харьковская крепость XVII века” (вверху). Н.С. Самокиш “Харьковская крепость в XVII веке” (внизу)

О том, как выглядела новая крепость, мы можем только гадать, так как её изображений не сохранилось. Но, возможно, она напоминала Харьковскую

крепость (рисунок 11), построенную в 1659 году беженцами из Заднепровья, которые обосновались в Московском государстве.

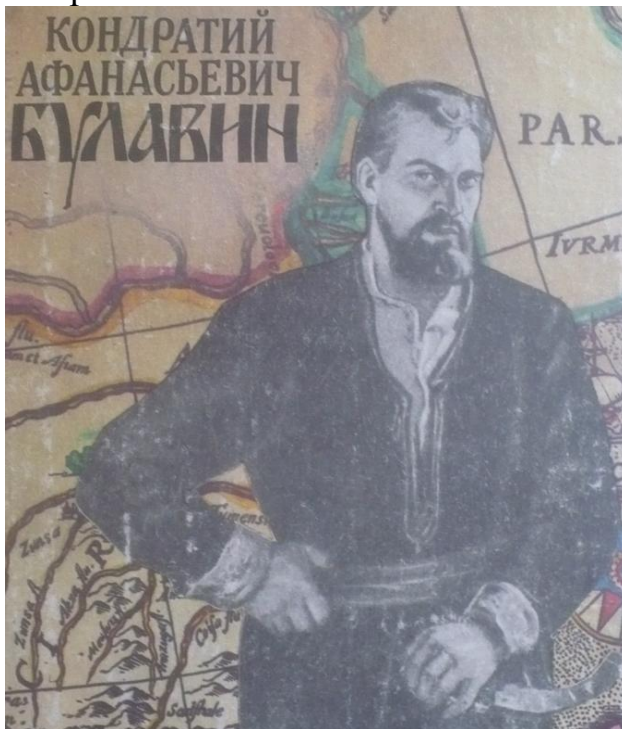

Рисунок 12. Таким представил себе К.А. Булавин художник Ю.Е. Ильин-Адаев и скульптор К. Кузнецов и архитектор В. Гнездилов, создавшие бюст в 1971 г. в Бахмуте (Артёмовске), где Кондратий Афанасьевич был последним донским атаманом, до передачи Петром I этого города черкасам Изюмского полка [40, с. 29-40].

Из наиболее заметных гостей, посетивших Кодак в XVIII веке, был донской атаман Кондратий Афанасьевич Булавин, прибывший сюда в конце ноября 1707 для переговоров с запорожцами во время восстания на Дону в 1707-1709 годах [40, с. 57-64]. В 1709 году после перехода гетмана Мазепы и кошевого К. Гордиенко на сторону шведов отряд полковника Яковлева, заняв без боя Кодак в мае 1709 года, перевёл гарнизон и жителей крепости на левый берег Днепра в Богородицкую крепость, предав укрепления Кодака огню [44, с. 20].

Согласно условиям Прутского мира (12.7.1711) Кодак и Богородицкая крепость были срыты. И если последнюю восстановили во время русско-турецкой войны 1735-1739 годов по приказу фельдмаршала Миниха, то крепость Кодак исчезла навсегда. Правый берег Днепра 1787 года вновь превратился в Дикое Поле.

Каждая работа предполагает наличие выводов. **Во-первых**, разрабатывая учебные планы при подготовке таможенных офицеров необходимо учитывать характер их будущей службы. Речь идёт о ненормированном рабочем дне и том напряжении, которое подавляющему большинству будет некогда читать умные книги. Следовательно, для престижа государства (если он ещё кого-то волнует) необходимо давать всесторонние знания о своей стране, её соседях и их культуре не на абстрактную самостоятельную подготовку, а при помощи литературных образов и изобразительного искусства [37, с. 118-121, 126]. При

этом не следует злоупотреблять просмотром экранизаций [38]. Таким образом, можно приучить человека думать самостоятельно, аргументировано отстаивая свою точку зрения, а не быть марионеткой в чужих руках.

Во-вторых, если верить СМИ, то украинская наука живёт какой-то своей оторванной от реальности жизни. Садясь за письменный стол, автор просмотрел, что пишут в Днепропетровске о крепостях, территория которых уже вошла в черту города. Оказалось, что ничего, кроме обвинений старейшего профессора ДНУ Ирины Фёдоровны Ковалёвой в проведении раскопок на территории Новобогородицкой крепости. В мае 2016 в Днепропетровске на базе дома-музея Д.И. Яворницкого прошла научно-практическая конференция “Днепровские пороги”, участники которой озвучивали в региональных СМИ предложение восстановить пороги на Днестре для привлечения туристов в регион, которые смогли бы увидеть и услышать, как ревет и стонет Днепр широкий. О таких “незначительных” побочных эффектах, как ликвидация нескольких ГЭС, дефицит электричества и о прекращении судоходства по Днестру, естественно, общественность не информировали, говоря о выгодах туристического бума. И тут “внезапно” киевская организация, возглавляемая современным воплощением академика Покровского М.Н., в 2019 озадачило читающую публику новым распоряжением – прекратить вести историю Днепропетровска от Екатеринослава, незамедлительно принятое к исполнению. Простите, вы предлагаете вести его историю от Кодака? То есть, Украина сама облегчает полякам подготовку исков для возвращения (возмещения) по реституции не только имущества, потерянного с 1918¹³ и 1939-1945 гг.¹⁴, но и с 1648 года?

В-третьих, к сожалению, главным выводом является то, что у истории никто не учится, что демонстрируют в телевизионном эфире не только многие публичные лица, но и государственные деятели современной Украины своими заявлениями и принятыми законами уверенно уничтожающие страну. Слова *“прости им, Господи, ибо не ведают, что творят”* в данном случае неприменим, как и объяснения в стиле покойного Виктора Степановича Черномырдина: *“хотели, как лучше, а получилось как всегда”*, так как цена этого *“как всегда”* превышает допустимые пределы. Начиная с эпохи гетманов, руководство страны привыкло подписывать международные обязательства, не читая или исходя из формулы 90-х: *“долги возвращают только трусы”*. Но, как писал фон Бисмарк есть такой народ, который *“всегда приходит за своими деньгами”* [37, с. 135]. Медвежьей услугой для жителей Украины является информационная блокада введённая, украинским же руководством. Как результат, претендуя в СМИ на Кубань, Тюмень и ряд иных пограничных

¹³ Закон о декоммунизации.

¹⁴ Постановление № 5280 (20.10.2016) принятое украинским и польским парламентами одновременно в виде Декларации, осудившей не только советско-германские договора 1939 года, но и решения Тегеранской и Ялтинской конференций. Фактически, это серьёзный шаг к пересмотру государственных границ в пользу Польши (5 областей современной Украины) и ФРГ (промышленная Силезия из состава Польши).

регионов в Российской Федерации и Польше, украинские “эксперты” и “политики” приветствовали не продление Украиной с 1.04.2019 большой договор, в частности, устанавливавший границу с Российской Федерацией. Делая громкие заявления, они сами игнорируют мнение соседей и не позволяют другим его изучать. Что ж, учитывая исторический опыт и слова ЖЕЛЕЗНОГО КАНЦЛЕРА, напечатанная на берегах **Великого океана** работа И.Е. Татаринова¹⁵ отнюдь не случайна [45]. Следовательно, украинской “прогрессивной общественности” следует готовиться к новым “неожиданностям” и неприятным “сюрпризам”.

Литература.

1. Адамович А.А. Хатынская повесть; Каратели: Повести. Л.: Художественная литература, 1986. – 400 с.
2. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. К.: Веселка. 1981. – 143 с.
3. Каргалов В.В. Полководцы X-XVI вв. М.: ДОСААФ, 1989. – 334 с., ил.
4. Квятковский Т. Семь смертных грехов. / Пер. с пол. – К.: Политиздат Украины, 1987. – 259 с.
5. Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. – 335 с.
6. Литвинов В.В. Из истории украинского Переселенческого движения (1910 – 1916 гг.) // Питання аграрної історії України (XVIII – XX ст.) : Матеріали третіх наукових читань, присвячених пам'яті Д.П. Пойди. – Д.: ДДУ, 1999. – С. 142-145. URL: <http://biblio.umf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2329/1/Литвинов%20В.В.%20ИЗ%20ИСТОРИИ%20УКРАИНСКОГО%20ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО%20ДВИЖЕНИЯ%20%281906%20-%201916%20гг.%29.pdf> (дата обращения 16.04.2019)
7. Литвинов В.В. Вхождение Приамурья в состав Российской империи во второй половине XIX века // Збірник наукових праць молодих вчених ДДУ. Історія. Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. – Випуск 1 - С. 72-75. URL: <http://biblio.umf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2326/1/Литвинов%20В.В.%20ВХОЖДЕНИЕ%20ПРИАМУРЬЯ%20В%20СОСТАВ%20РОССИЙСКОЙ%20ИМПЕРИИ%20ВО%20ВТОРОЙ%20ПОЛОВИНЕ%20XIX%20ВЕКА.pdf> (дата обращения 16.04.2019)
8. Літвінов В.В. Особливості громадянської війни на Далекому Сході та участь у ній українців. // Вісник Дніпропетровського університету. Серія Історія та археологія, 1999. – № 5. С. 134-138. URL: <http://biblio.umf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/3412/1/Литвинов%20В.В..pdf> (дата обращения 17.04.2019)
9. Литвинов В.В. Попытка решения большевиками аграрного вопроса и начало гражданской войны на Дальнем Востоке // Грані, 1999. – № 6(8). С. 51-55. URL: <http://biblio.umf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2331/1/Литвинов%20В.В.%20П>

¹⁵ Думаю, что эта работа далеко не единственная. И если она опубликована на берегах Тихого океана, то о том какая дискуссия происходит в научных кругах западнее Урала, мы может только догадываться, так как более года находимся в информационной изоляции.

[ОПЫТКА%20РЕШЕНИЯ%20БОЛЬШЕВИКАМИ%20АГРАРНОГО%20ВОПРОСА%20И%20НАЧАЛО%20ГРАЖДАНСКОЙ%20ВОЙНЫ%20НА%20ДАЛЬНЕМ%20ВОСТОКЕ.pdf](#) (дата обращения 9.04.2019)

10. Литвинов В.В. Перед строем Господь их назвал поименно... Гражданская война: Взгляд заинтересованного человека. Так кто же они – святые или разбойники? // Бизнес и политика. – 1999. – № 22-23 (39-40). – С. 48-49. URL: <http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/3424/1/Литвинов%20В.В.%201999.pdf> (дата обращения 24.04.2019)

11. Литвинов В.В. Русская эмиграция и генерал А. Кутепов. Очерк на заданную историей тему. // Бизнес и политика. – 2000. – № 2-3 (39-40). – С. 48-49. URL: <http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/3425/1/Литвинов%20В.В.%202000.pdf> (дата обращения 24.04.2019)

12. Літвінов В.В. Далекосхідний кордон та українці // Вісник Дніпропетровського університету. Д.: ДДУ, 2001. – Вип. 6. – С. 103-108. URL: <http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2354/1/Літвінов%20В.В.%20ДАЛЕКОСХІДНИЙ%20КОРДОН%20ТА%20УКРАЇНЦІ.pdf> (дата обращения 9.04.2019)

13. Літвінов В.В. Участь українців в колонізації Хабаровського краю (1910-1928 рр.) Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Дніпропетровськ: ДНУ, 2005. – 237 с.

14. Літвінов В.В. Проблеми проведення митної експертизи холодної зброї // Вісник Академії митної служби України. – 2005. – № 3(27). – С. 123-127.

15. Літвінов В.В. Проблема атрибуції холодної зброї за допомогою клейм. // Митна політика та актуальні проблеми економічної та митної безпеки України на сучасному етапі: матер. міжнар. наук.-практ. конф. – Дніпропетровськ: АМСУ, 2007. С. 334-340. URL: http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2356/1/Літвінов_В.В._ПРОБЛЕМА_АТРИБУЦІЇ_ХОЛОДНОЇ_ЗБРОЇ_ЗА_ДОПОМОГОЮ_КЛЕЙМ.PDF (дата обращения 12.07.2018)

16. Літвінов В.В. Проблема термінології при атрибуції холодної зброї // Митна справа в Україні: теорія і практика : матер. міжнар. науково-практичної конференції-форуму випускників, курсантів, студентів та молодих науковців. – Д.: АМСУ, 2008. – С. 239-242. URL: http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2358/1/Літвінов_В.В._ПРОБЛЕМА_ТЕРМІНОЛОГІЇ_ПРИ_АТРИБУЦІЇ_ХОЛОДНОЇ_ЗБРОЇ..PDF (дата обращения 12.07.2018)

17. Літвінов В.В. Проблема існуючих джерел формування візуальних образів при атрибуції історичної зброї митником. // Актуальні проблеми економічної безпеки та митної політики України: матер. III міжнар. наук.-практ. конф. в 2-х томах – Д.: АМСУ, 2008. – Т. 2– С. 147-150. URL: <http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/3423/1/Litvinov%202008.pdf> (дата обращения 24.04.2019)

18. Літвінов В.В. Державний кордон, як чинник, що впливає на розвиток

прикордонного регіону. На прикладі російського далекосхідного кордону в другій половині XIX - першій третині XX ст. // Історія торгівлі, податків та мита: зб. наук. праць. – Д., 2010. – №2(2). – С. 143-152.

19. Літвінов В.В. Економіко-демографічна політика Росії на далекосхідних територіях у XIX – на початку XX ст. // Історія торгівлі, податків та мита. Д. 2011. № 2(4). С. 87–95.

20. Литвинов В.В. Гражданская война в России и генерал С.Л. Марков. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2011. – № 214. С. 109-120.

21. Літвінов В.В. Російський державний кордон на Далёкому Сході, як один із факторів, що впливав на загострення громадянського протистояння в період соціальних конфліктів початку XX ст. // Історія торгівлі, податків та мита. Д., 2012. № 1(5). С. 100–107.

22. Літвінов В.В. Проблема захисту економічних інтересів держави в прикордонних регіонах на прикладі російського Далёкого Сходу. // Історія торгівлі, податків та мита. Д., 2012. № 2(6). С. 105–113.

23. Літвінов В.В. Особливості формування візуального образу історичної зброї. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2012. – № 227. – С. 115-118.

24. Литвинов В.В. Дети и гражданская война в России. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2012. – № 228. С. 78-87.

25. Литвинов В.В. Национальный фактор и защита пограничных регионов. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. – № 248. – С. 107-120.

26. Літвінов В.В. Труднощі використання термінів при атрибуції холодної зброї. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. – № 254. – С. 161-166.

27. Литвинов В.В. Особенности атрибуции холодного оружия при помощи клейм. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. – № 257. С. 106-111.

28. Литвинов В.В. Особенности описания предметов фалеристики в таможенных документах. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. – № 258. – С. 123-131.

29. Литвинов В. В. Перспективы существования молодых государств в зоне пересечения стратегических и геополитических интересов на примере существования Дальневосточной Республики (1920-1922 гг.). // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. – № 261. – С. 85-95.

30. Литвинов В.В. Анализ политики русского правительства по организации переселенческого движения на Дальний Восток (1857-1900 гг.). // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2013. – № 264. – С. 121-130.

31. Літвінов В.В. Методичні рекомендації для виконання лабораторної роботи “Опис предметів нумізматики в митній документації” у рамках курсу “Основи мистецтвознавчої експертизи та вартісної оцінки культурних цінностей”. Д.: АМСУ, 2013. – 25 с.

32. Литвинов В.В. Особенности регистрации предметов бонистики // Філософія, культура, життя. Д., 2016. – № 43. – С. 169-179.

33. Литвинов В.В. Отражение особенностей развития торговли на русском Дальнем Востоке (1857-1917 гг.) в литературе. // Історія торгівлі, податків та мита: зб. наук. праць. – Д., 2016. – № 1(2) (13(14)). – С. 19-41.
34. Литвинов В.В. Возможности применения в таможенных документах метода подготовки паспорта для произведений скульптуры, хранящихся в государственных и частных коллекциях. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2018. № 1. – С. 15-28
35. Литвинов В.В. Образ Владимира и Рогнеды в изобразительном искусстве. // Білорусь – Україна: Діалог культур: матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції (29.03.2018, 24.05.2018). – Д., 2018. С. 19-37. URL: http://biblio.umsf.dp.ua/jspui/bitstream/123456789/2940/1/ilovepdf_com-19-37.pdf (дата обращения 12.07.2018)
36. Литвинов В.В. Взгляд на рефлексии общества через произведения искусства. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2018. – № 3 (84). – С. 77-93.
37. Литвинов В.В. Образ Сибирского тракта в воспоминаниях и художественной литературе, как элемент подготовки офицеров таможенной службы и историков. Д.: Середяк Т.К., 2018. 148 с., ил.
38. Литвинов В.В. Создание образа дороги, ведущей на восток, как первый шаг на пути в несколько тысяч ли. // Картина мира через призму китайской и белорусской культур. Сборник статей международной научно-практической конференции. Минск: БГАТУ, 2019. – С. 281-285.
39. Литвинов В.В. Взгляд из Днепропетровской области на развитие медицины на русском Дальнем Востоке (1857–1922 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. – С. 90–102.
40. Пронштейн А.П., Миненков Н.А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М: Просвещение, 1988. – 143 с.: ил.
41. Сенкевич Г. Огнём и мечом. Роман. Пер. с пол. А. Эшпеля, К. Старосельской. М.: Орбита, 1989. 624 с.
42. Слово о полку Игореве / Составитель А. Е. Тархов; Научный редактор В. В. Колесов. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 207 с., ил.
43. Старицкий М.П. У пристани. Исторический роман. К.: Молодь, 1962. 676 с.
44. Старостін В.С. Столиця степового краю. Дніпропетровськ. Нариси з історії міста. Д.: Дніпрокнига, 2004. – 280 с.
45. Татаринцев И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 103–113.
46. Толстой А.Н. Пётр Первый: Роман. М.: Художественная литература, 1981. – 671 с.
47. Шатров М.А. Город на трёх холмах. Книга о старом Екатеринославе. Д.: Промінь, 1969. – 416 с.
48. Швидько Г.К. Історія України. XVI – XVIII століття. Підручник. К.: Генеза, 1997. – 384 с.

Для цитирования: Литвинов В.В. Дикое Поле и две забытые крепости на Днепре. Их образ художественной литературе и место в истории. // Білорусь – Україна: Діалог культур: матеріали II міжнародного науково-практичного форуму (04.04.2019, 18.04.2019). – Д., Мн., 2019. С. 113-141.